

УДК 342.721

Р. А. Серета

*заместитель начальника кафедры конституционного
и международного права Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРАВО НА ЗАЩИТУ ОТ НЕЗАКОННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ЛИЧНУЮ ЖИЗНЬ: ГАРАНТИИ И ПРЕДЕЛЫ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОСМОТРА

В последние годы вопросам обеспечения неприкосновенности личной жизни человека уделяется повышенное внимание. Это обусловлено в первую очередь местом, которое занимает данное право среди иных личных прав. Зачастую именно степень защищенности личной жизни от посягательств как со стороны других лиц, так и со стороны органов власти является критерием оценки степени реализации принципов правового государства.

При этом информация, относящаяся к тайне личной жизни человека, часто является объектом деятельности уполномоченных государственных органов, которые имеют право получать к ней доступ против воли лица.

На сегодняшний день наиболее частые вторжения в рассматриваемое право происходят в ходе деятельности органов внутренних дел (далее — ОВД). Являясь элементом системы правоохранительных органов, ОВД выполняют важнейшую задачу любого государства по противодействию преступности и иным противоправным деяниям. В этой связи сотрудники ОВД наделяются значительным объемом полномочий по ограничению конституционных прав человека, в том числе права на неприкосновенность личной жизни.

При этом, на наш взгляд, наиболее значительные ограничения рассматриваемого права происходят при проведении действий, связанных с вторжением в жилище, так как указанные права тесно связаны между собой. Полагаем, что именно жилище является центром сосредоточения таких сфер жизнедеятельности, которые лицо желает скрыть от других. Таким образом, переступая порог чужого дома, лицо автоматически получает доступ и к информации, относящейся к личной жизни проживающих в нем.

Наиболее распространенным действием, связанным с вторжением в жилище, является осмотр, который выступает самостоятельным процессуальным действием в рамках уголовного и административного процессов (далее — осмотр), а также в ОРД, где существует аналогичное оперативно-розыскное мероприятие — оперативный осмотр.

Говоря о гарантиях обеспечения рассматриваемого права в ходе осмотра, прежде всего необходимо вести речь об установлении пределов доступа к сведениям, составляющим тайну личной жизни. Однако, регламентируя проведение осмотра, законодатель четко не оговаривает права проводящего осмотр лица с точки зрения возможности углубленного и детального обследования жилища с целью обнаружения следов преступления (правонарушения) либо иных предметов, имеющих отношение к делу.

В условиях правовой неопределенности отдельные авторы предлагают расширительное толкование способов проведения осмотра. В частности, Б. В. Асаёнок, рассматривая административно-процессуальный осмотр как комплексное действие, выделяет такие виды осмотров, как осмотр-«осмотр», осмотр-«обыск» и ряд других. При этом, характеризуя осмотр-«обыск», автор указывает, что при таком осмотре приоритетной является задача именно обнаружения укрываемого имущества, средств, орудий совершения и предметов административного правонарушения, скрывающихся правонарушителей, следов [1].

Другие авторы стоят на позиции более узкого ограничения прав лица, проводящего осмотр. Так, А. В. Лубенков и А. Ю. Свириденко отмечают, что принципиальное отличие обыска от осмотра — его контактный характер. В ходе обыска действия обыскивающего предполагают, например, поднятие, переворачивание, открывание, в том числе с повреждением различных запирающих устройств, нарушение конструктивной целостности объектов, а также полное или частичное обнажение лица и т. п. Осмотр предполагает лишь визуальный контакт с осматриваемым объектом, осматриваемой местностью, без физического контакта и отыскания (смотри, но не трогай) [2].

В свою очередь А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский под осмотром понимают «непосредственное восприятие и процессуальную фиксацию участниками этого следственного действия внешних признаков объектов, к которым, как правило, имеется свободный доступ» [3, с.12]. Концепции свободного доступа придерживается и Р. И. Оконенко, который предлагает понимать «свободный доступ» не с материальной точки зрения, а с абстрактно-юридической, а именно с позиции возможной степе-

ни вторжения органов предварительного расследования в частную жизнь человека [4, с. 29].

Этого же мнения придерживается В. С. Черкасов, который указывает, что при производстве осмотра следователь вправе собирать информацию об объектах, которые доступны его непосредственному восприятию, поскольку только такая деятельность не нарушает разумные ожидания граждан по поводу сохранности тайны их личной жизни [5].

Мы также согласны с высказанными позициями в части того, что как при следственном, так и при административно-процессуальном осмотре предел вторжения в частную жизнь человека ограничен информацией, получаемой в результате визуального восприятия. Все иные действия, связанные с получением дополнительного доступа к информации личного характера (проникновение в запертые помещения, открывание шкафов, ящиков стола и т. п.), должны производиться только с согласия лица, проживающего в данном жилище, либо в рамках проведения обыска.

Аргументом в поддержку высказанной позиции может служить тот набор гарантий, которые предусмотрены УПК для осмотра и для обыска. Мы видим, что санкция либо последующее уведомление прокурора на проведение осмотра необходимы лишь в случае потребности проникновения в жилище против воли проживающего в нем лица, гарантируя законность такого проникновения. При согласии проживающего лица санкция не требуется. В свою очередь при обыске санкция прокурора требуется в любом случае, независимо от согласия собственника на проникновение в жилище. На наш взгляд, такое требование обязательного санкционирования как раз и является гарантией законности не только проникновения в жилище, но и более значительного вторжения в тайну личной жизни проживающих в нем лиц.

Таким образом можно сделать вывод, что необходимость обязательного санкционирования обыска прокурором направлена именно на гарантирование законности более значительного вторжения в тайну личной жизни, чем при осмотре. Исходя из этого, полагаем, что пределы вторжения в сферу личной жизни лицом, проводящим осмотр в жилище, должны быть конкретно определены в законодательстве. На сегодняшний день в действующем УПК и ПИКоАП таких четких границ нет, а равно отсутствуют запреты на чрезмерное вторжение в рассматриваемые права при проведении указанных действий, что может послужить поводом к необоснованно широкому толкованию правоприменителями объема своих полномочий.

В связи с этим полагаем, что действующее уголовно-процессуальное и административное законодательство требует оптимизации в части совершенствования системы гарантий обеспечения конституционных прав и свобод человека. В частности, соответствующие статьи УПК и ПИКоАП необходимо дополнить частями следующего содержания: «в ходе осмотра в жилище осуществляется восприятие и фиксация визуальной информации, не связанной с активным поиском. Любые действия с обстановкой и предметами, находящимися в жилище, связанные с дополнительным вторжением в личную жизнь проживающих в жилище, осуществляются с их согласия». На наш взгляд, подобное дополнение позволит устранить имеющуюся правовую неопределенность и будет гарантировать более полное обеспечение общепризнанных прав человека в деятельности органов внутренних дел.

Список основных источников

1. Профессионально об актуальном: организационно-тактические особенности проведения осмотра в административном процессе [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2019/july/37145/>. — Дата доступа: 22.01.2020. [Вернуться к статье](#)
2. Лубенков, А. В. Осмотр, досмотр и обыск, предусмотренные административным законодательством Республики Беларусь: теория и практика реализации / А. В. Лубенков, А. Ю. Свириденко // Вестник Воронеж. института МВД России. — 2012. — № 3. — С. 90–96. [Вернуться к статье](#)
3. Смирнов, А. В. Следственные действия в российском уголовном процессе : учеб. пособие / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. — СПб. : СПбГИЭУ, 2004. — 73 с. [Вернуться к статье](#)
4. Оконенко, Р. И. К вопросу о правомерности осмотра компьютера как следственного действия / Р. И. Оконенко // Адвокат. — 2015. — № 1. — С. 27–30. [Вернуться к статье](#)
5. Черкасов, В. С. Проблема разграничения следственных действий: осмотр и обыск при получении компьютерной информации / В. С. Черкасов // Правопорядок: история, теория, практика. — 2018. — № 1. — С. 99–104. [Вернуться к статье](#)